

Р.С. ЧЕРЕПАНОВА

Петр Чаадаев мифический и реальный

С легкой руки А. Герцена в русской культуре возник и утвердился "миф о Чаадаеве" как фигуре, важной для "развития революционных идей в России", ниспровергателе и обличителе, борце с самодержавием. М. Гершензон - исследователь, пожалуй, ближе всех подошедший к этой загадочной, противоречивой и скрытной исторической личности, называл точку зрения Герцена "чудовищным недоразумением" (Цит. по: [Ермичев, Златопольская, 1998, с. 248]). Однако не реальный, а именно мифический образ философа был воспринят читающей публикой и реально повлиял на развитие национальной общественной мысли.

В целом же в истории отечественной ментальности П. Чаадаеву принадлежит ряд важнейших заслуг. Во-первых, он, очевидно, первым осознал главную особенность эпохи 1830-1850 годов как начальной стадии в процессе становления национального самосознания и определил содержание этой стадии - конструирование устойчивого мифа о своем прошлом. "В настоящую минуту у нас происходит какой-то странный процесс в умах, - писал Чаадаев А. Тургеневу в 1835 году. - Вырабатывается какая-то национальность, которая, не имея возможности обосноваться ни на чем, <...> будет, понятно, <...> совершенно искусственным созданием" [Чаадаев, 1991, т. 2, с. 91, 92]. Сам Чаадаев считал национальное сознание проявлением тенденции к изоляционизму, уводящей страну от участия в мировом духовном развитии. Но его собственные размышления также являлись частью отмеченного им процесса национальной саморефлексии. Более того, Чаадаев признавал, что на определенном этапе без выработки "глубокого чувства своей индивидуальности" народы "не могут ни на шаг продвинуться по пути прогресса или предназначенного им развития" [Чаадаев, 1991, т. 1, с. 495].

Кроме того, Чаадаев демонстративно противопоставлял Россию и Запад, что для людей XVIII века и даже александровской эпохи было немислимо, реакционно. Ведь со времен Петра I Россия предпочитала считать себя равноправной частью Европы. Чаадаевское противопоставление знаменовало изменение сознания и духа эпохи. Он первым поставил в качестве главной задачи национальной мысли вопрос об особенностях и задачах российской цивилизации. Чаадаев употребил для обозначения национального изоляционизма термин "утопия" (хотя, конечно, и не расшифровывая содержание этого понятия) [Чаадаев, т. 2, с. 145].

Наконец, он первым наметил ту схему утопии особого пути России, которая затем будет повторяться в отечественной мысли в различных вариантах: славянофильском, западническом, радикально-демократическом.

В общем виде схему эту можно изобразить в виде противоположения: "мы хуже всех - мы лучше всех". При этом в рамках конкретизации первой формулы осу-

шестьвается и обосновывается противопоставление истории России и мировой истории, ведется критика отсталости страны в материальных и гражданско-правовых проявлениях культуры и прогресса. Затем, в рамках конкретизации второй формулы, признание материальной, внешней отсталости компенсируется положением о духовном избранничестве России и о предстоящей ей мировой духовно-спасительной миссии. Чаадаев первым уловил потребность национального сознания в такой модели и первым создал такую модель.

Однако в трудах мыслителя, как правило, замечают лишь первую часть этой схемы ("...мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку.<...> Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось" [Чаадаев, т. 1, с. 323]). В то же время вторая часть либо остается незамеченной, либо не принимается во внимание, либо изображается как случайный всплеск "любви к родине" на фоне изложения "сознательных убеждений". Действительно, однозначно оценить эту составляющую чаадаевского мировоззрения очень сложно хотя бы по той причине, что философ испытывал естественное желание несколько "оправдаться" перед всеобщим осуждением, последовавшим за выходом в свет в 1836 году в журнале "Телескоп" первого "Философического письма". Кроме того, очень многие "хвалебные" речи в адрес России у него носят издевательский характер (т.е. соответствуют в действительности тезису "мы хуже всех"). Но ирония автора очень тонка и улавливается лишь из контекста (в настоящей статье я, разумеется, попытаюсь избежать подобных провокаций и буду воспроизводить только фрагменты, в серьезности которых трудно усомниться). Действительно, в схеме Чаадаева первый тезис ("мы хуже всех") обозначен ярко, тогда как второй набросан как бы пунктиром, представлен отрывочно и оттого не всегда замечается. К тому же мировоззрение Чаадаева, полное порой сознательных противоречий и парадоксов, постоянно развивалось и никогда не имело законченной формы. Он активно отзывался на события мировой жизни, в частности кризисные моменты в жизни Европы. Так, всплески мессианских надежд на будущее России Чаадаев испытывал в 1834-1835, 1848, 1851 годах, тогда как глубоким разочарованием в России отмечен для него, например, год 1854, когда письма и сочинения его полны призывов остановить конфликт Запада и России, которая - ничто без Европы [Чаадаев, т. 1, с. 564-567].

Тем не менее вторая составляющая конструкции утопии особого пути - "мы лучше всех" - присутствовала в программе Чаадаева изначально: по крайней мере в его частных письмах, адресованных близким друзьям, которым философ глубоко доверял, мы встречаем это убеждение уже в 1833, 1835 годах, т.е. в начальный период выработки его историко-философской концепции, до роковой публикации первого "Философического письма" - события, которое могло бы кардинально изменить умонастроение философа.

Так возникают три взаимосвязанные исследовательские задачи:

- реконструкция внутренней логики, определившей соотношение двух частей чаадаевского наследия: обличительной и апологетической;
- объяснение несбалансированности чаадаевского варианта утопии особого пути: часть "мы хуже всех" значительно объемнее части "мы лучше всех", тогда как в большинстве других известных вариантов ситуация обратная;
- определение своеобразного оттенка чаадаевской утопии, который может быть охарактеризован как социалистический, консервативный, романтический, теократический, либеральный и т.д.

Анализируя идеи Чаадаева, невозможно не высказать глубочайшей благодарности авторам-составителям Полного собрания сочинений и избранных писем мыслителя, проделавшим огромную работу по выявлению авторства многих доселе спорных отрывков, а также по установлению достоверности отдельных немаловажных фактов.

Я беру на себя смелость утверждать, что изначально, или по крайней мере уже к 1835 году¹, мировоззрение Чаадаева содержало в себе две составные части, связанные внутренней логикой. Более того, максимализм и категоричность суждений каждой части, когда верное по сути наблюдение доводится в своей крайности до абсурда, могут быть объяснены только их органической взаимосвязанностью, исконным дуализмом системы. Оптимизм второй части непонятен без пессимизма первой. Конспективный набросок обеих частей, характеризующий их внутреннее родство, представляет письмо Чаадаева к А. Тургеневу от 1835 года: "Мы совершенно лишены, например, способности к логической последовательности, - пишет философ. <...> Мы никогда не были движимы великими верованиями, могучими убеждениями <...> И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их <...> у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов; вы увидите, что эти нации всегда жили жизнью одушевленной, разумной, плодотворной. <...> Скажите мне, где та идея, которую мы развиваем? Что мы открыли, выдумали, создали? Поэтому нам незачем бежать за другими, нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое. <...> Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт <...> Люди Европы... упорно уступают нам Восток <...> они оттесняют нас на Восток, чтобы не встречать нас больше на Западе. <...> Мы призваны, напротив, обучить Европу бесконечному множеству вещей, которые ей не понять без этого. <...> Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и чаще грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу" [Чаадаев, т. 2, с. 97-99]. Мысль о том, что "отсутствие" прошлого (т.е. "закоренелых предрассудков", "старых привычек", "упорной рутины") облегчит наше стремительное движение к новому и величественному, мы находим у Чаадаева в письме к тому же адресату еще в 1833 году [Чаадаев, т. 2, с. 79]. Таким образом, идеи, изложенные в первом "Философическом письме", заключали в себе лишь часть общей конструкции. В свете этого становится понятным заявление философа о том, что одного только первого "Философического письма" недостаточно для понимания его убеждений о судьбе России, что он собирался продолжить рассуждение и изложить далее мысли, за которые никто из русских мыслящих людей не смог бы его упрекнуть.

Чаадаев имел надежды и собственнлично принять участие в грядущем преображении России; по крайней мере в 1833 году он несколько раз пытался хлопотать перед Николаем II и А. Бенкендорфом о предоставлении ему места на государственной службе. При этом, не удовлетворяясь предложенными ему скромными должностями, он развернул свое видение перспектив России. Так, обучению рекомендовалось дать национальную сторону, в корне расходящуюся с той, на которой оно зиждется в остальной Европе, ибо Россия развивалась во всех отношениях иначе, и ей выпало на долю особое предназначение в этом мире" [Чаадаев, т. 2, с. 83]. В отправленной годом ранее (1832) "Записке графу Бенкендорфу" Чаадаев изложил целую программу развития России, включавшую:

- 1) серьезное и основательное классическое образование, позаимствованное "не из внешних сторон" современной европейской цивилизации (обратим внимание на это противопоставление классической и современной Европы; это будет важным для понимания многих тезисов Чаадаева);
- 2) освобождение крепостных;
- 3) подлинное религиозное воспитание общества;
- 4) никаких политических перемен по европейскому образцу [Чаадаев, т. 1, с. 517-521].

В самом деле, многократно и жестко бичуя русский народ за всеобщее личностное

¹ А может быть, и ранее, в период создания "Философических писем", в 1828-1830 годах,

рабство, Чаадаев нигде не ведет речь о принципиальной полезности демократии вообще и тем более для России. Демократия для Чаадаева не имеет отношения к изживанию или сохранению рабской психологии. Этот вопрос вообще не возникает, настолько он очевиден. В отечественной истории демократическое, выборное начало было столь ничтожно, что "наша история упоминает о нем лишь для того, чтобы показать его бесплодность, когда оно не сочетается с чувством человеческого достоинства" (1843) [Чаадаев, т. 2, с. 164]. Да, конечно, русский народ проявляет полное равнодушие к природе царской власти, относится к ней, как ребенок относится к власти отца. Но в этом видна, скорее, личностная незрелость, историческая неразвитость начала личности. Сам по себе политический деспотизм царей не вызывает у Чаадаева в контексте истории России даже морального протеста. Он легко априори оправдывает, например, жестокость Ивана Грозного по его праву самодержца в конкретных исторических условиях. Например, государи своей силой "тащили" неблагодарную страну вперед, выводили на мировое поприще, и эта деятельность совершенно оправдана для культуры, в которой не было ничего, от чего страшно было бы отказаться [Чаадаев, т. 1, с. 524–526].

Есть такие великие народы, к числу которых Чаадаев относит и русский народ, которых Провидение ведет, в частности, через деятельность их государей [Чаадаев, т. 1, с. 527]. При смиренности и покорности, свойственной вообще славянскому племени, сильный государь обеспечит России и прекрасное будущее. "Нам позволено, - писал философ, - надеяться на благоденствие еще более широкое, чем то, о котором мечтают самые пылкие служители прогресса" и "для достижения этих окончательных результатов нам нужен только один властный акт той верховной воли, которая вмещает в себя все воли нации, которая выражает все ее стремления, которая уже не раз открывала ей новые пути..." [Чаадаев, т. 1, с. 535, 536]. Более того, высокое будущее страны напрямую связано с мировыми судьбами. "Мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество, - продолжал Чаадаев. - Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества. В самом деле, взгляните, что делается в тех странах, которые я, может быть, слишком превознес, но которые тем не менее являются наиболее полными образцами цивилизации во всех ее формах <...> большая часть мира подавлена своими традициями и воспоминаниями <...> носит в сердце своем глубокое чувство завершенной жизни"; наконец, "прошлое уже нам неподвластно, но будущее зависит от нас" [Чаадаев, т. 1, с. 534, 535].

Куда же Россия поведет человечество, к каким принципиально новым основам и что это за основы, к которым трудно двигаться, погрязнув в традициях и воспоминаниях?! Чаадаевский ответ на этот вопрос потрясает: к Христу!

В этом свете не так страшно отсутствие в России развитого начала личности. Личное бытие должно скоро замениться безличным, социальным (во Христе) [Чаадаев, т. 1, с. 417]. Конец истории уже близок: "исторический материал почти весь исчерпан", "народы рассказали почти все свои предания" (шестое "Философическое письмо") [Цена веков, 1991, с. 100]². Человечество ждет "разрешения мировой драмы, великий апокалиптический синтез" (восьмое "Философическое письмо") [Цена веков, с. 141], "все стремится к одной цели", и "эта цель царство Божие" (письмо А. Тургеневу, 1835 год) [Чаадаев, т. 2, с. 96]. Близость этой цели настолько реальна, что в 1848 году Чаадаев написал проект прокламации крестьянам с призывом чуть ли не немедленно установить Царство Божие на земле. "Братья любезные, братья горемычные, люди русские православные, - призывала прокламация, - дошла ли до вас весточка, весточка громогласная, что (...) народы крестьянские взволновались,

² Этот вариант перевода французского оригинала текста кажется автору наиболее выразительным.

всколебались, аки волны окияна-моря, моря синего! (...) братья ваши, разных племен, на своих царей-государей поднялись все, восстали все до единого человека! Не хотим, говорят, своих царей... Не хотим царя другого, окромя царя небесного" [Чаадаев, т. 1, с. 550]. Сходные мысли о немедленном реальном воплощении самых радикальных евангельских идей (отречение от богатства и раздача его неимущим) содержит и созданная позже "Воскресная беседа сельского священника..." (1849). Даже личные письма Чаадаев нередко сопровождал вступительной или завершающей молитвой: "Да придет царствие Твое".

Царство Божие уже до известной степени осуществлено в католической цивилизации [Цена веков, с. 51], прежде всего благодаря ее раскрытости в мир, направленности на осуществление всемирной миссии. Православная церковь, как и католическая, по мнению Чаадаева, не была свободна от недостатков, но сохраняла при том множество достоинств. Она воспитала русский народ в смиренности, во многом творила нашу историю, ей мы обязаны всем лучшим в себе [Цена веков, с. 22]. Но к осуществлению подлинного завета Божьего - приближению Его Царства на земле она не стремилась. Философ объясняет это разными функциями двух церквей. «Слишком часто забывают о задаче, стоявшей перед христианством на Западе (...) даже если "церковь устроилась там как царство мира сего", это было потому, что <...> ее великим призванием в этом полушарии христианского мира было спасение общества, которому угрожало варварство, подобно тому, как в другом (полушарии) ее великим призванием было спасти догмат, которому угрожало губительное дуновение с Востока... Благословим же небо за то, что оно поставило восточную церковь в самые благоприятные в мире условия для того, чтобы жить в христианском смирении и его проповедовать, но не будем слишком строго обвинять западную церковь в честолюбии...» [Чаадаев, т. 2, с. 238] (письмо Е. Долгоруковой, 1850 год). Хотя христианство сохранилось у нас в более чистом виде, оно не вошло в социальную жизнь [Чаадаев, т. 2, с. 87].

Христианство внационально, всечеловечно, но осуществлению "апокалиптического синтеза" может угрожать национальная замкнутость. Поэтому Чаадаев так непримирим к философам славянофильского лагеря. Не замечая у них самих мессианских мотивов, мыслитель опасался, что они могут отвлечь Россию от участия в мировых процессах, от выполнения ее мировой духовной миссии. "Россия слишком могущественна, чтобы проводить национальную политику, - считал он, - ее дело в мире есть политика рода человеческого" [Чаадаев, т. 2, с. 96]. Примечательно, что против теории официальной народности и против таких довольно одиозных фигур, как С. Шевырев или М. Погодин, выпадов у Чаадаева не встречается; от них, очевидно, угроза "мировому апокалиптическому синтезу" не исходит. Также отсутствует и критика официального правительственного курса. Если философ и критикует, то русское общество, а не правительство, даже в том случае, когда это правительство несправедливо его карает. "Мы сваливаем всю вину на правительство. Правительство делает свое дело, только и всего, давайте делать свое, исправимся. Странное заблуждение считать безграничную свободу необходимым условием для развития умов" (1835) [Чаадаев, т. 2, с. 96].

Итак, вопреки распространенному представлению, критика Чаадаевым истории России не имела целью ее сближение с современной европейской цивилизацией. Более того, "классические" ценности Европы Нового времени - индивидуализм, правосознание, рациональное мышление, особый политический строй - либо не имеют для философа самостоятельного значения, либо прямо отвергаются. Так, эпоха Возрождения, сформировавшая современный облик европейской культуры, характеризуется Чаадаевым как "возврат к язычеству", разрушивший религиозное единство истории и приведший к торжеству индивидуализма и "искусственного разума" [Цена веков, с. 111]. Идеал же, который однозначно следует предпочесть реальности (поскольку идея выше факта) [Цена веков, с. 120] зиждется на основах "долга, справедливости, права, порядка", "умственной методичности, логики". Народ-

ные массы должны быть "подчинены известным силам, стоящим вверху общества. Они не думают сами; среди них есть известное число мыслителей, которые думают за них, сообщают импульс коллективному разуму народа и двигают его вперед" [Цена веков, с. 38, 39, 41]. Этот рационально сконструированный мир иерархии, порядка и дисциплины воплощает "единственно верную" Истину на земле и весь посвящен служению этой Истине [Цена веков, с. 67, 70]. Ведь нет иного разума, кроме разума, подчиненного Истине, так же - и нравственности, так же - и свободе. Только доведя свою подчиненность божественному до абсолюта, человек достигнет совершенства и сольется с природой в первозданном прекрасном состоянии, вернется к Богу... [Цена веков, с. 70-72,90-92].

Такой мир может быть определен как теократическая утопия. Естественно, что Россия далека от этого идеала и ее есть за что критиковать! Кроме того, она совсем не заботилась об устройстве мирового Царства Истины, не прозревала своего участия в этом процессе. "По милости небес мы принесли с собой лишь кое-какую внешность этой негодной цивилизации, одни только ничтожные произведения этой пагубной науки, - развивает Чаадаев критику Запада. - Самая цивилизация, наука в целом остались нам чужды. <...> И вот, подчинившись игу этой цивилизации, мы все же сохранили доблести наших отцов, их дух покорности, их привязанность к государю, их пристрастие к самоотвержению и самоотречению, но в то же время идея, заложенная в нашей душе рукой Провидения, в ней не созрела. Совершенно не сознавая этой идеи, мы изо дня в день все более поддавались новым влияниям..." [Цена веков, с. 249, 250].

Тем самым Чаадаев утверждал принципиальное отличие России от Европы. Предлагаемый им идеал носит характер теократической, а может быть, даже апокалиптической утопии. Кроме того, в мировоззрении философа ясно прослеживаются типические черты консервативного комплекса: понимание прогресса как нравственного совершенствования и распространение моральных оценок на все сферы жизни [Цена веков, с. 105, 107], подчиненность авторитету, недоверие отдельному частному разуму, роль традиций, которые передают волю провидения, утверждение о том, что красота должна быть всегда моральна, а искусство - приближаться к проповеди [Чаадаев, т. 1, с. 444-446, 470; т. 2, с. 170]. Таким образом, окончательное определение взглядов Чаадаева приближается к понятию консервативно-теократической утопии. В свою очередь, вторая часть схемы, созданной мыслителем ("мы лучше всех") сопровождается важной оговоркой. Мы можем стать лучше всех, если осознаем свои основы, достоинства и недостатки, волю Провидения и свою роль в приближении "мирового апокалиптического синтеза" (поскольку истинное национальное сознание народа заключается в постижении им своего настоящего путем уяснения прошлого и в предугадывании своего предназначения в будущем [Цена веков, с. 305, 306]). Если же мы этого не сделаем, то вновь подпадем, в рамках модели Чаадаева, под первое определение: "мы хуже всех".

Подобное условие и его очевидное невыполнение Россией является главной причиной того, что вторая часть ("мы лучше всех") представлена в философии Чаадаева бледнее первой ("мы хуже всех"). Вероятно, можно найти также и другие тому причины:

- например то, что Чаадаев все-таки являлся "осколком" декабристского поколения, хотя и пересмотрел путь решения злободневных вопросов времени в пользу социального христианства; но пиетет перед Европой и католичеством в Чаадаеве был всегда очень силен;

- нереализованное, отвергнутое желание служить России на гражданском поприще, обманутые амбиции, оскорбленная личная гордость.

В. Жуковский прямо указывал на хандру и неудовлетворенное самолюбие как на психологические истоки взглядов Чаадаева [Чаадаев, т. 2, с. 309]. Следует также вспомнить, что слухи о сумасшествии мыслителя стали распространяться задолго до публикации в 1836 году первого "Философического письма" [Чаадаев, т. 2, с. 308] и

официального по этому поводу распоряжения. Они были связаны как с его отшельническим образом жизни, так и со стремлением проповедовать открытые им истины, представлять себя новым пророком. Например, еще в 1827 году, когда только формировались у Чаадаева замысел и идеи "Философических писем", А. Якушкина писала мужу: «Пьер Чаадаев провел у нас целый вечер. Мне кажется, что он хочет меня обратить. Я нахожу его весьма странным, и, подобно всем тем, кто только недавно ударился в набожность, он чрезвычайно экзальтирован и весь пропитан духом святости. <...> Пьер Чаадаев сказал мне, что я говорю только глупости, что словом "счастье" должно быть вычеркнуто из лексики людей, которые думают и размышляют. Я тоже сказала ему, что он говорит глупости, не так прямо, как он мне изволил сказать, но вполне вежливо. Под конец он согласился, что это могло быть правдой. <...> Ежеминутно он закрывает себе лицо, выпрямляется, не слышит того, что ему говорят, а потом, как бы по вдохновению, начинает говорить. Маменька слушает его с раскрытым ртом и повторяет вслед за Мольером: "О великий человек", а я говорю потихоньку: "Бедный человек"» [Чаадаев, т. 2, с. 305, 306].

Предчувствиями пришествия нового пророка проникнуты и многие фрагменты философских сочинений Чаадаева [Цена веков, с. 93, 139, 140]. Не случайно он заслужил прозвище "дамского философа", которое и сам к себе применял: женщины более внушаемы и, стало быть, более податливы к проповеди. Сохранились свидетельства того, как хлопотал Чаадаев об издании "Философических писем" в самых разных издательствах [Чаадаев, т. 2, с. 331]. С какой гордостью советовал почитать уже изданное письмо, гордился самыми первыми слушателями о том, что оно наделало много шума [Чаадаев, т. 2, с. 108, 110]. Тем не менее, как только разразилась катастрофа, бросившая на ветер труд целой жизни, Чаадаев решительно отказался от признания своей инициативы опубликования письма [Чаадаев, т. 1, с. 523]. Он перекладывал вину то на издателя, то на цензора, то даже на бедного адресата - ни в чем не повинную Е. Панову (чем во многом доломал ее и без того несчастную жизнь: женщина была объявлена сумасшедшей, помещена на принудительное лечение, умерла в полной нищете, забвении и, возможно, даже невменяемости). Несколько похожая нравственная ситуация повторилась в 1851 году, когда Чаадаев узнал о том, что в книге "О развитии революционных идей в России" Герцен весьма высоко отозвался о нем. Он написал одно, теплейшее по тону письмо Герцену, а другое, "верноподданнейшее", отрекающееся от "гнусной клеветы" "наглого беглеца, кидаящего на имя наше собственный позор", - шефу жандармов А. Орлову. При этом своему племяннику, выразившему возмущенное недоумение, Чаадаев спокойно (хотя и, разумеется, с горечью) объяснил, что сделал это, движимый естественным желанием "беречь свою кожу" [Чаадаев, т. 2, с. 255, 256, 391, 392]. Чаадаев - не борец. Он - не понятый в своем отечестве пророк и поэтому должен о себе заботиться.

Его военная карьера оборвалась в 1821 году по причинам, не вполне ясным до сих пор, но также не без обманутых честолюбивых надежд. На государственной службе достойных Чаадаева постов ему сразу не предлагали, путь литературы или общественной деятельности оказался невозможен - для талантливой личности оставалась лишь роль непонятого гения, которую Чаадаев и играл всю свою оставшуюся жизнь, паразитируя в материальном отношении на капиталах тетушки, брата Михаила, добрейшей Е. Левашовой. Крайний бытовой эгоизм, отсутствие привязанности и элементарной благодарности к ближним, самовлюбленность Чаадаева подчеркивались современниками неоднократно. Показательно (хотя и, разумеется, неоднозначно) высказывание давнего завистника и врага Чаадаева - Ф. Вигеля: "Я возмущался раньше, воображая, что он пользуется слишком большим влиянием среди москвичей; как я ошибался! Этот бедный Чаадаев, так охотно принимающий приглашения на обед, вместо того, чтобы самому давать их, просто нуль в этом городе амфитрионов: его считают одним из оригиналов (их довольно много в Москве), если это так, то все это оригинал совсем другого рода, чем остальные. Надо Вам сказать, что в этой огромной пустыне все же имеется несколько оазисов; здесь есть небольшие кружки, где со-

бираются живые люди, некоторые ученые и писатели; каждый из них положительно царит в своем кружке. Так Чаадаев царит в доме неких Левашевых и еще в двух других, его власть не простирается дальше: как видите, опасность прозелитизма не так уж велика. Я уверен, что ему более льстило возмущение некоторых петербуржцев, чем полное безразличие, которым его здесь угощают" [Чаадаев, т. 2, с. 399].

Трудно удержаться от соблазна сопоставить личные амбиции Чаадаева с теми грандиозными перспективами, которые он видел для России. Вообще, среди создателей "русской идеи" на редкость много людей, не реализовавших свои возможности и надежды, тех, кого принято называть "неудачниками". Сломанные, невостребованные временем, не вписавшиеся в него, они переносили свои личные ощущения и чаяния на Россию, ту, которую сами себе придумывали. Любопытно, что Чаадаев, например, прекрасно сознавал, насколько мифичен создаваемый его современниками образ России. "Пятьдесят лет назад немецкие ученые открыли наших летописцев, - писал он, - потом Карамзин рассказал звучным слогом дела и подвиги наших государей; и в наши дни плохие писатели, неумелые антиквари и несколько неудавшихся поэтов (...) самоуверенно рисуют и воскрешают времена и нравы, которых уже никто у нас не помнит..." [Цена веков, с. 153].

Подобное отвлеченное конструирование, с одной стороны, было неизбежным этапом формирования национального самосознания, а с другой - выражало печальную судьбу национальной элиты.

Лучших, образованнейших людей, искренне желавших послужить отечеству, николаевская эпоха не востребовала, более того, всячески зажимала, предпочитая традиционно опираться на бюрократию. Возможно, и этим обстоятельством в немалой степени объясняется многообразие вариантов "русской идеи", созданных талантливыми мыслителями николаевского времени - А. Хомяковым, И. Киреевским, К. Аксаковым, Н. Гоголем, К. Кавелиным, А. Герценом и, разумеется, П. Чаадаевым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ермичев А., Златопольская А. П.Я. Чаадаев в русской мысли. Опыт историографии // Петр Чаадаев: Pro et Contra. СПб., 1998.

Цена веков. П.А. Чаадаев. М., 1991.

Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1, 2.